

The Protagonist's Search for the "Desired Lot" in the "Persian Motives" Poetic Cycle by S.A. Yesenin

Ustimenko Natalya Mikhailovna¹

Senior lecturer of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: April, 2018; date of acceptance: July, 2018)

Abstract

Yesenin perceived his contemporary Soviet reality as a tragedy of national life. Hence, followed his search for ways out, one of whom the poet saw in a dialogue between the cultures of the East and Russia. The book "Persian Motives" appeared in his creative quest as an aesthetic search for national development of the future Russia, and finds an Eastern path for it. The research was intended in order to reveal the poetic concept of "Persian Motives" and analyze from the viewpoint of cultural linguistics the evolution of the protagonist (embodying the cultural concept) who appears in the first part of the book as a Russian traveller charmed by the East, in the second part he becomes a wanderer and a poet fell in love with vivid beauty of the Eastern life and culture, and in the third section he is a poet prophesizing a new "Blue and tender", "blue and jolly country".

Keywords: Yesenin, Dialog of Cultures, Shiraz, Ryazan Expanses, Persian Lyrics.

1. E-mail: nustim@mail.ru

**Поиски «желанного удела» лирическим героем книги стихов
С.А. Есенина «Персидские мотивы»**

Устименко Наталья Михайловна¹

Старший преподаватель, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: апрель 2018 г.; дата принятия: июль 2018 г.)

Аннотация

Современная Есенину советская действительность осознавалась им как трагедия национальной жизни. Отсюда его поиски путей выхода из неё, один из которых поэт видел в диалоге культур Востока и России. Книга «Персидские мотивы» возникает в творчестве поэта как его эстетический поиск национального развития будущей России, её восточного пути. Целью нашего исследования является выявление поэтической концепции «Персидские мотивы» в процессе анализа эволюции лирического героя – носителя культурной идеи, который в первом разделе книги предстает русским путешественником, очарованным Востоком; во второй части он обретает облик странника и поэта, полюбившего живую красоту восточной жизни и культуры, в третий раздел вошло стихотворение «Голубая да веселая страна...», в которой за милые края новой жизни «обнимает розу соловей».

Ключевые слова: Есенин, Диалог Культур, Шираз, Рязанские Раздолья, Персидские Лирики.

1. E-mail: nustim@mail.ru

Введение

В письме от 20.12.1924 г. из города Батума С.А. Есенин писал Г. Бениславской: «Персидские мотивы» это у меня целая книга...» (Есенин 1999. б. 193), – в которую в окончательной редакции вошли пятнадцать стихотворений.

Книга имеет, на наш взгляд, трёхчастную композицию: экспозиция, основная часть, заключение. Образ лирического героя «Персидских мотивов» шире отдельной личности – автора книги, «ласкового уруса», или восточного поэта. В восточной лирике Есенин нашёл исторические истоки размышлений о вечных истинах, отчасти уже найденных ранее им самим. Истоки, давшие ему возможность, наряду со «Словом о полку Игореве...», постигнуть единство и связующие нити человеческого мира с прошлым, настоящим и грядущим. Эта связь времен определила цельность этой есенинской книги, которая обнаруживается не во внешнем сходстве с поэзией восточных классиков, а во внутреннем слиянии с их миром духовных ценностей.

В соответствии с эволюцией лирического героя на протяжении всей книги, мы полагаем, целесообразно разделить стихотворения «Персидских мотивов» на три раздела. Проанализируем каждый из них.

Основная часть

Три стихотворения – «Улеглась моя былая рана...», «Я спросил сегодня у меняль» и «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» составляют, на наш взгляд, *первый раздел книги*.

Как известно, первые два из них, написаны в период с 17 по 20 октября 1924 г. В письме к Г. Бениславской от 20 октября 1924 г. Есенин сообщал из Тифлиса: «На днях я пошлю персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими» (Есенин 1999. б. 180).

В стихотворении «Улеглась моя былая рана...» находим элементы притяжения двух миров: России и Востока, обладающих древнейшими

культурами. Взаимные движения самобытных культур происходят на уровне жизненных реалий. Образ чайханщика «с круглыми плечами» неоднозначен. Будучи носителем персидского мира, он, прежде всего, представлен Есениным, целителем, который лечит душу и сердце русского путника «синими цветами Тегерана». Вместе с тем, его образ дан в двух ипостасях: с одной стороны, – он гостеприимный и радушный хозяин, который угощает русского гостя «красным чаем»: «Угощай, хозяин, да не очень...», а с другой, – как хозяина прекрасного сада любви: «Много роз цветёт в твоём саду» (Есенин 1995. 1. 248).

Если в первом стихотворении возникает лишь предчувствие любви, то во втором речь идёт о философском осмыслении любви как составной части восточной жизни. Собеседником лирического героя является не поэтический мудрец, а простой меняла. Для русского путника он является и своеобразным проводником в мир восточных традиций, «переводчиком», который знает толк не только в межнациональных денежных знаках, но и обогащает лирического героя восточной народной мудростью:

*«... Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?
... Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?
... Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?*

Ответы менялы развивают тему познания красоты восточной любви как мудрой основы жизни человека, философского её осмысления:

*«... О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят».* (Там же.251).

В ответе менялы звучит мотив скоротечности жизни и неизбежности смерти:

*«Поцелуй названья не имеет
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуй веет,
Лепестками тая на губах»* (Там же. 251).

Так как в познание включается и социум, то романтическая любовь, по мысли автора, связана с осмыслением личного опыта, в её содержание вводится борьба за овладение любимой:

*«От любви не требует поруки,
С нею знают радость и беду».
«Ты моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру»* (Там же. 251).

Возникший в заключительной строфе текста мотив «чёрной чадры» в последующих стихотворениях Есенина развивается в тему раскрепощения восточной женщины, которой противопоставлено ее решение на родине лирического героя.

Третье стихотворение раздела – «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» написано Есениным в Батуми 19 декабря 1924 г. после его знакомства с армянской учительницей Шаганэ Нерсесовной Тальян-Тертерян (Белоусов 1968. 35).

По жанру это лирическое стихотворение с кольцевой композицией, в котором размышления лирического героя обращены к Шаганэ. Несмотря на отсутствие диалогических реплик, это ответы лирического героя на вопросы Шаганэ, эксплицитно не представленные в тексте, но возникающие в нашем сознании. На эти вопросы лирический герой отвечает: «Я готов рассказать тебе...». Образ любимой девушки лирического героя обретает реальные черты

прототипа (Белоусов 1965, 1968; Устименко 2018). Есенинская Шаганэ умна и серьезна, и в то же время радостна и весела: «Дорогая, шути, улыбайся...». Она близкий восточный друг лирического героя, с которым он делится сокровенными мыслями и чувствами. Её образ конкретен ещё и потому, что на неё «страшно похожа девушка, которая живёт «там, на севере».

Оба они: и лирический герой, и персиянка Шаганэ оказываются включенными в социогеографические понятия, которые символизируют их родину. Уровни любви: социальный, нравственный, философский, эстетический – обретают свою полноту в образах большой и малой родины лирического героя. Тема родины и любви органически сливаются в ткани текста. Параллельно с мотивом севера – символом России, и малой родины лирического героя – «рязанских раздолий» развивается и мотив родины персиянки Шаганэ – Ширазе. Изначально оба мира противопоставляются друг другу, как и сами персонажи. Повтор «Потому что я с севера, что ли?» очень ёмок по мысли, объемлющей всю книгу стихов «Персидские мотивы». Он выражает мысль о единстве человека и природы, породившей его. Ощущая свое неразрывное единство с родиной: «Эти волосы взял я у ржи...», «Про волнистую рожь при луне по кудрям ты моим догадайся... », лирический герой с болью осознаёт, что для Шаганэ – это чужой мир. Он просит: «Не буди только память во мне // Про волнистую рожь при луне». Этот мотив, соединяя родину лирического героя (...я с севера... там...) с девушкой-северянкой (там, на севере...), получает свое завершение в заключительной строфе текста: «Может, думает обо мне...». Переключка повторов «память во мне...» и «может, думает обо мне...» обнажает внутреннее движение лирического героя к этому персонажу. Но девушка «там» страшно похожа на девушку-персиянку «здесь» в красивом Ширазе. Обе девушки объединяются в душе лирического героя в образ любимой, как объединяются и разные миры, представителями которых они являются. Раздумья лирического героя, связанные с

воспоминаниями о родине и девушке на севере, выраженные вводным словом «может»... и многоточием (может, думает обо мне...), прерываются новым обращением к Шаганэ, которое выражает надежду лирического героя на ответное чувство и взаимопонимание. Изначальное противопоставление во внутреннем мире лирического героя снимается интимным обращением к любимой, которым открывается и заканчивается стихотворение. Сближение России и Востока неотвратимо, но полного слияния на уровне синтеза двух культур нет.

Противопоставление Россия – Персия у Есенина происходит на диалектическом уровне – единство и борьба противоположностей, вследствие чего эти два мира имеют, с одной стороны, тенденцию к сближению и взаимообогащению в теме любви, а с другой – сохранению своей неповторимости при отталкивании. Лирический герой предстает перед нами путником и философом, учеником древних мудрецов, который преследует цель припасть к родникам восточной мудрости и поэзии, чтобы найти ответы на волнующие его вопросы современности, разобраться в себе и в мире. Найдя точки сопряжения Персии и России в теме любви и противопоставив их на социальном уровне (мотив «чёрной чадры»), Есенин обнаруживает необходимость расширить внутренний мир лирического героя, способного вобрать в себя основные темы Востока, разработанные персидской классической литературой.

Второй раздел книги «Персидские мотивы» посвящен поискам смыслов Бытия, любви к родине и женщине, высокой миссии поэта. Есенинская Персия - это страна Корана: «Магомет перехитрил в Коране...» (Есенин 1995. I. 267) и арабских сказок: «Где жила и пела Шахразада...» (Там же. 261), экзотических восточных номинаций: Гассан, Шахразада, Лала, пери; топонимов: Босфор, Ефрат, Шираз, Багдат, Хороссан; традиционных народных представлений, аналогий. Но особое значение в есенинской книге имеют имена древних

восточных лириков, которые воспевали в своей поэзии общечеловеческие ценности. Уже в стихотворении первого раздела «Шаганэ ты моя, Шаганэ» возникает образ Шираза, известный нам по письму Есенина к Г.А. Бениславской от 8 апреля 1925 г. из Баку: «Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики» (Есенин 1999. 6. 209).

В шестом стихотворении этот образ ассоциируется с темой восточной поэзии: строка «Лунным светом Шираз осиянен...» появляется вслед за упоминанием о песнях Омара Хайяма. В двенадцатом стихотворении строка «Если перс слагает плохо песнь, // Значит он вовек не из Шираза» переключается со строкой из уже цитированного выше есенинского письма к Г. Бениславской: «И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» (Там же. 209 - 210). Воспринятое в соотнесенности с тем, что известно об отношении Есенина к персидским лирикам и их поэтической родине, слово «Шираз» – ключевое в есенинской разработке темы поэта и его назначения в поэзии. Имена Саади, Хайяма, Фирдоуси несут важную смысловую нагрузку, символизируя «голубую да веселую страну», наполняя собой мир Персии и внутренний мир русского поэта.

Даже целуя женщину, лирический герой Есенина, ревнует ее не к реальному сопернику, а к средневековому восточному поэту: «Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь...». Просьба лирического героя к возлюбленной спеть ему также связана с творчеством древнего поэта-философа: «Спой мне песню, моя дорогая, // Ту, которую пел Хаям» (Есенин 1995. I. 257). И для выражения ощущения душевного покоя, счастья разделённой любви и красоты мира русский поэт не находит лучшего сравнения, чем «Нежность, как песни Саади» (Там же. 259). А символ реально-романтической Персии у Есенина связан с именем всемирно известного

восточного эпика: «Голубая родина Фирдуси» (Там же. 265). В основании диалога, который ведется Есениным с Саади или с Хайямом, лежит уважительное понимание мира восточных поэтов, и лишь после этого устанавливается сходство или различие в их мировосприятии.

Стихотворением «Ты сказала, что Саади...» открывается второй раздел «Персидских мотивов», в котором впервые звучит мотив восточной поэзии как одной из главных тем книги. В нём лирический герой подчеркнuto полемически противопоставляет свой взгляд на мир, отстаивает право на иные этические нормы: «И не мучь меня заветом, // У меня заветов нет» (Там же. 254). «Заветов нет» не только в любви, но и в проявлении воли, отваги, в выборе пути. В качестве нравственной категории это утверждение проецируется на весь русский мир. И даже великий Саади, прославленный певец любви, не может служить эталоном для русского поэта. Лирический герой Есенина выдвигает свои нравственные ценности, обосновывая свое право на это принадлежностью к поэтическому цеху: «Коль родился я поэтом, // То целуюсь, как поэт» (Там же. 254).

Обращения лирического героя к красавице-персиянке чаще всего передают стремление поэта обрести душевный покой, отдохнуть, забыться: «Я давно ищю в судьбе покоя»; «Наклонись своим красивым станом // На коленях дай мне отдохнуть»; «Заглуши в душе тоску тальянки...» (Там же. 256). В пятом стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» параллельно с мотивом лирического героя, темой его судьбы, звучит и мотив его романтической мечты, которая предстаёт как «поиск удела желанного»: «Я сюда приехал не от скуки, // Ты меня, незримая, звала...» (Там же. 256). Поиски воплощения романтической мечты о счастливом уделе поэта приводят его к восточной поэтической действительности, творческому осмыслению её идеала. Лирический герой мечтает о том, чтобы любовь напоила его «дыханьем свежих чар» (Там же. 256), так необходимых ему не только для преодоления

душевных ран, нанесенных судьбой на родине, но и для воспевания вечной красоты жизни - житнетворчества: «Я сюда приехал не от скуки – / Ты мня, незримая, звала» (Там же. 256).

Эта мысль пронизывает и стихотворение «Свет шафранного края, // Тихо розы бегут по полям». На фоне романтической природы Востока, воспетой некогда Хаямом: «Лунным светом Шираз осиянен // Кружит звезд мотыльковый рой...», Есенин воссоздает свой неповторимый национальный колорит восточного мира. Уже во второй строфе идиллическое начало текста противопоставляется реальной действительности, которая контрастирует с красотой «шафранного края» и « песней Хаяма»: «Мне не нравится, что персияне // Держат женщин и дев под чадрой» (Там же. 257). Поэтическая песня Хаяма (она звучит из уст любимой в сопровождении лунного света и аромата роз), воплощая прекрасное, вместе с тем, не выражает всю полноту чувств лирического героя. Потому и возникает у русского поэта потребность спеть то, «что сроду не пел Хаям...», выразить свое социокультурное кредо: «Дорогая, с чадрой не дружись, // Заучи эту заповедь вкратце, // Ведь и так коротка наша жизнь, // Мало счастьем дано любоваться» (Там же. 258). Повтор строк о Хаяме первого пятистишия, с измененным двустипием в заключительной строфе стихотворения: «Я спою тебе сам, дорогая, // То, что сроду не пел Хаям...» (Там же. 258), наполняет есенинский текст новым содержанием, вводит нас в мир современного Есенину Востока, которому ещё предстоит решить актуальные социальные проблемы.

Однако, несмотря на различия мировосприятия есенинского лирического героя со средневековым персидским поэтом, их объединяет мудрость жизненного опыта, радости бытия, красота вечно обновляющейся природы, ощущение скоротечности жизни человека на земле:

<p><i>«Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться»</i> (Есенин 1995, 1. 258).</p> <p><i>«Жить – так жить, любить – так уж влюбляться. В лунном золоте целуйся и гуляй»</i> (Есенин (Там же. 262).</p>	<p><i>«Жизнь – мираж. Тем не менее Радостный будь. В страсти и опьянении Радостным будь. Ты мгновение жил – И тебя уже нету. Но хотя бы мгновение – радостным будь»</i> (Хайям Омар, 1980, 58).</p>
---	---

Красота понимается лирическим героем Есенина как вечно обновляющееся бытие.

В стихотворении «Воздух прозрачный и синий...» нет ссылок на Россию, на русский мир. Воссоздается романтический восточный мир, в котором «воздух прозрачный и синий», цветы напоминают чащи, а луговые цветы – сад:

*«Выйду в цветочные чащи,
Лугом пройду, как садом,
Садом в цветенье диком...»* (Там же. 259).

Следует обратить внимание на то, что образы Пути и Путника появляются в есенинском поэтическом мире не столько в пространстве и времени, сколько во внутреннем мире лирического героя, в мире его собственного познания. В этом мире Востока нет «ни тревог, ни потери». И любовь – часть этого гармоничного мира природы: «Вмиг отразится во взгляде // Месяца жёлтая прелесть...». Этот мир – подлинный идеал «всех, кто в пути устали». В стихотворении «Золото холодное луны...» поэт с самого начала вводит нас в атмосферу чарующей красоты «голубой страны», которая вселяет в душу чувство безмятежного покоя и блаженства. Однако в последних строках

стихотворения звучит его протест против мертвенно-спокойной жизни. На фоне сказочного мира Шахразады развивается мотив жизни и смерти, забвения. По убеждению Есенина, смерть побеждается жизнотворчеством, когда она уподоблена либо цветущему саду, либо песне, которая остается на века. В избрании жизненного пути представляется свобода выбора. Об этом пела Шахразада и «вторично скажет листьев медь», то есть сама есенинская поэзия. Все остальные вызывают лишь чувство сострадания: «Тех, которым ничего не надо, // Только можно в мире пожалеть» (Там же. 262).

В созданный идеальный восточный мир Есенин вводит противоречия реального Востока. В сюжет книги «Персидские мотивы» входят темы измены любимой, типичной для восточной поэзии, прощание лирического героя с цветущим садом Персии, его возврата к реальным поэтическим ценностям. Начиная с девятого стихотворения «В Хороссане есть такие двери...» драматизации подвергается тема любви:

*«У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть»* (Там же. 263).

Она находит свой кульминационный момент в стихотворении «Отчего луна так светит тускло...». В его основе не столько измена любимой, сколько её неспособность понять «песни» лирического героя, той душевной боли и муки, которые необходимы поэту, чтобы выстрадать новый идеал. Эта несовершенство человеческих чувств заставляет страдать и природу, которая созвучна внутреннему миру лирического героя, страдает ему. Однако лирический герой, хотя и соотносит измену Шаганэ с мотивом изменившей ему мечты, но по-восточному философски мудро реагирует на происходящее.

Он светло принимает жизнь, благодарный за ее преходящие радости: «Но и все ж вовек благословенны // На земле сиреневые ночи» (Там же. 272).

Тема поэта, будучи сквозной на протяжении всей книги, получает свое завершение в одиннадцатом – тринадцатом стихотворениях второго раздела. В стихотворении «Быть поэтом – это значит то же...» Есенин, отталкиваясь от поэзии Хайяма, развивает мысль о том, что страдания поэта являются следствием того, что он не может нарушить «правды жизни» с помощью романтической фантазии. Этот пафос творца реализуется в «Персидских мотивах» с присущей Есенину человечностью и лиризмом. Отдаленность его поэтической мечты от реальной жизни порождает сомнения поэта в том, что он на правильном пути в поисках своего идеала:

*«В Хороссане есть такие двери,
Где обсытан розами порог.
Там живёт задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не смог»* (Там же. 263).

Если раньше тоска по родине не вызывала у лирического героя желания покинуть этот сказочный край, то теперь мысль о возвращении на родину становится основной:

*«Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?»* (Там же. 264).

Не найдя воплощения своего идеала в реальном окружающем его мире, лирический герой думает о возвращении на родину. Тема Востока завершается вместе с завершением темы прощания лирического героя с Персией в стихотворении «Голубая родина Фирдуси...»:

*«Хороша ты, Персия, я знаю.
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят»* (Там же. 265).

Однако теперь, при прощании с Персией, Восток предстает в его судьбе не только как романтическая мечта, но и как песня... Если в стихотворениях первого раздела, сближение и обогащение России – Персии идёт на уровне творческой любви, то при прощании с «голубой родиной Фирдуси» на первый план выступает взаимообогащение двух миров песней, поэтическим творчеством:

*Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе,
И тебя навеки не забуду»* (Там же. 266).

Лирический герой верит, что оставляет «голубой и ласковой стране» песню о своей родине – «песенку про Русь». В свою очередь, воспоминания о русском поэте для персиянки будут связаны с его далекой родиной, которые в трудный для нее час – «на случай угрюмый» будут целительными: «Запевая, обо мне подумай, // И тебе я в песне отзовусь... » (Там же.266).

Всматриваясь, вживаясь в созданный им мир Персии, Есенин открывает для себя двойственность и своей России. С одной стороны, – реальная родина, сотрясаемая социальными катаклизмами, декларирующая обновление национальной жизни и необходимость ее перестройки на благо человека, с другой, - Есенин полагает, что для национальной жизни России, важно сохранить ту вечную устремленность к духовному идеалу, которая

ассоциируется у него с образом «голубой Руси». Оптимистическая окраска заключительного стихотворения второго раздела внушает надежду, что поэт найдёт выход из создавшегося противоречия, а вместе с ним и творческий переход от идеального мира – к реальным Востоку и России.

В 14-ом стихотворении «Глупое сердце, не бойся» обнаженное «глупое сердце» лирического героя мечется в поисках счастья, то впадая в отчаяние: «Все мы обмануты счастьем...» (Там же. 273), то окрыляясь надеждой: «Жизнь не совсем обманула...» (Там же. 274). «Удел желанный», найденный поэтом в образе романтического Востока, воспринимается им теперь как единичное обретение истины и счастья. Сам путь – бесконечен. Лирический герой приходит к осознанию тщетности своих дальнейших поисков: «Только удел желанный // Больше искать не буду» (Там же. 273). Однако прорыв к «иным мирам» уже совершен, века будущего расцвета человеческой жизни и России поставлена. Потому так мудро и светло звучат в устах лирического героя последние строки стихотворения. В них утверждается надежда на торжество чувства вечно обновляющейся песни любви, носителем которой является и сам поэт:

*«Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся»* (Там же. 274).

Отметим, что в песне нет упоминания о Шаганэ. Она отходит в сад роз, которые «склоняются и гнутся», но не улыбаются «всем сердцем».

В заключительном стихотворении «Голубая да веселая страна», которое входит в *третий раздел книги*, сведены нити многих тем, перекликающихся с проблематикой древних лириков. На его важность для понимания

мировосприятия поэта указывалось в есениноведении: «Предположение, что Есенин, сохранив в цикле 15 стихотворений, рассматривал его как своеобразный веночек сонетов, заставляет нас искать ключ к нему в последнем «сонете» – так называемом магистрале» (Марченко 1989. 207). Есенин творчески наследовал в нём эстетический опыт художников слова Востока, который стал средой для развития характера лирического героя «Персидских мотивов», есенинского носителя песни о любви. В этом стихотворении получает художественное завершение идея органического развития двух национальных культур, вехи которой были поставлены поэтом на социальном, нравственном, эстетическом и философском уровнях. В этом тексте Есенин синтезирует идею «голубой Руси» и восточной «весёлой страны».

Росток будущей органической жизни Есенин видит в ребенке – розе, природном цветке, внутренняя жизнь которого находится в единстве с миром природы. Слиянность жизни и мечты о любви в ребенке (стихотворение посвящено дочери П.И. Чагина - Розе, называвшей себя Гелией по имени одной из актрис), – роднит её с поэтом, способном на творческое пересоздание действительности. Диалектика развития нового чувства любви начинается с природной чистоты и поэтического видения детства, воплощенном в есенинском произведении: «Дорогая Гелия, прости // Много роз бывает на пути // Много роз склоняется и гнётся...». Нарастающий драматизм разрешается поэтом в светлой гармоничной мелодии песни о любви: «Но одна лишь сердцем улыбнётся» (Есенин 1995. 1. 275). В следующей строфе диалектически соединяются и разъединяются мир реальности и мечты, России и Персии. Философский смысл основного пафоса третьего раздела, как и всей книги С.А. Есенина «Персидские мотивы» - в поэтическом утверждении песни о любви в вечно обновляющемся бытии: «Улыбнёмся вместе, ты и я, / За такие милые края» (Там же. 276). Разъединенность есенинского лирического героя и Гелии в реальной действительности не исключает оптимистическую надежду

поэта на их взаимообогащение в будущем как двух великих и вечных миров, хотя он и осознает, что путь к постижению этого идеала развития народной жизни трагичен: «Честь моя за песню продана...»; «Пусть вся жизнь моя за песню продана... » (Там же, 267).

Заключение

Таким образом, анализ книги «Персидские мотивы», позволяет сделать вывод о том, что в ней Сергей Есенин выражает идею рождения нового человека, глубоко связанного с социумом, ментальностью и культурой своей страны. Его лирический герой приходит к осознанию необходимости будущего национального развития через духовное взаимообогащение России и Востока. Он возвращается в Россию с искренней верой в то, что «жизнь не совсем обманула. Новой напьемся силой». В душе его теплится надежда на то, что на родной земле тех, кто прошел долгий путь исканий, ждут взаимопонимание, новые творческие прозрения и на любовь ответят «песнею соловьиной».

Литература

- 1- Есенин С.А. (1995). *Полное собрание сочинений*. В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. М., Изд-во «Наука» - «Голос».
- 2- Есенин С.А. (1999); *Полное собрание сочинений*. В 7-ми томах. Т. 6. Письма. Составление и общая редакция С.И. Субботина. Подгот. текстов и текстологич. Коммент. Е.А.Самоделовой и С.И. Субботина. Реальный коммент. А.Н.Захарова, С.П.Кошечкина, С.С.Куняева, Г. Маквея, Ю.А.Паркаева, Ю.Л. Прокушева, Т.К. Савченко, М.В. Скороходова, С.И. Субботина, Н.И. Шубниковой-Гусевой, Н.Г. Юсова. Указатели М.В. Скороходова и Е.А. Самоделовой. М., Изд-во «Наука», «Голос».
- 3- Белоусов В.Г. (1965). *Сергей Есенин*. М., Изд-во «Знание».
- 4- Белоусов В.Г. (1968). *Персидские мотивы*. М., Изд-во «Знание».
- 5- Марченко А.М. (1989). *Поэтический мир Есенина*. М., Изд-во «Советский писатель».

- 6- Саади Мушрифаддин. (1957). *Гулистан (Розовый сад)*. М., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы».
- 7- Устименко Н.М. (2003) *Изучение творчества Есенина в иностранной аудитории. / Сергей Есенин и русская школа: Книга материалов международной научно-практической конференции*. Рязань, Изд-во «Пресса». – С. 347–352.
- 8- Устименко В.В., Устименко Н.М. (2003). *Диалогический контекст в книге стихов С.А. Есенина «Персидские мотивы»*. / Литература в диалоге культур: Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 18-21 октября 2003). Ростов-на-Дону. Изд-во «Ростовский госуниверситет». – С. 120–126.
- 9- Устименко Н.М. (2018) *Из дневниковых записей, посвященных Ш.Н. Тальян-Тертерян (г. Тбилиси, 1978 г.) / Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III / Сб. науч. трудов / Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 2018. 640 с. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 513-525.*
- 10- Хайям Омар (1980). *Рубаи*. Ташкент, Изд-во «Литературы и искусства».

Bibliography

- 1- Esenin S.A. (1995). *Polnoe sobranie sochinenij*. V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Podgotovka teksta i komment. A.A. Kozlovskogo. M., Izd-vo «Nauka» - «Golos».
- 2- Esenin S.A. (1999); *Polnoe sobranie sochinenij*. V 7-mi tomah. T. 6. Pis'ma. Sostavlenie i obshhaja redakcija S.I. Subbotina. Podgot. tekstov i tekstologich. Komment. E.A.Samodelovoj i S.I. Subbotina. Real'nyj komment. A.N.Zaharova, S.P.Koshechkina, S.S.Kunjaeva, G. Makveja, Ju.A.Parkaeva, Ju.L. Prokusheva, T.K. Savchenko, M.V. Skorohodova, S.I. Subotina, N.I. Shubnikovoj-Gusevoj, N.G. Jusova. Ukazateli M.V. Skorohodova i E.A. Samodelovoj. M., Izd-vo «Nauka», «Golos».
- 3- Belousov V.G. (1965). *Sergej Esenin*. M., Izd-vo «Znanie».
- 4- Belousov V.G. (1968). *Persidskie motivy*. M., Izd-vo «Znanie».
- 5- Marchenko A.M. (1989). *Pojeticheskij mir Esenina*. M., Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 6- Saadi Mushrifaddin. (1957). *Gulistan (Rozovyj sad)*. M., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».
- 7- Ustimenko N.M. (2003) *Izuchenie tvorcestva Esenina v inostrannoju auditorii. / Sergej Esenin i russkaja shkola: Kniga materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Rjazan', Izd-vo «Pressa». – S. 347–352.

- 8- Ustimenko V.V., Ustimenko N.M. (2003). *Dialogicheskiy kontekst v knige stihov S.A. Esenina «Persidskie motivy»*. / Literatura v dialoge kul'tur: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Rostov-na-Donu, 18-21 oktjabrja 2003). Rostov-na-Donu. Izd-vo «Rostovskij gosuniversitet». – S. 120–126.
- 9- Ustimenko N.M. (2018) *Iz dnevnikovyh zapisej, posvjashhennyh Sh.N. Tal'jan-Terterjan (g. Tbilisi, 1978 g.)* / Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepoha. Ch. III / Sb. nauch. trudov / Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN. Rjazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S.A. Esenina, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S.A. Esenina 2018. 640 s. Ser. «Esenin v XXI veke». Vyp. 6. S. 513-525.
- 10- Hajjam Omar (1980). *Rubai*. Tashkent, Izd-vo «Literatury i iskusstva».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ustimenko, N. (2019). The Protagonist's Search for the "Desired Lot" in the "Persian Motives" Poetic Cycle by S.A. Esenin. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13, 173-191.

DOI: 10.29252/iarll.13.173

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/51>

قهرمان لیریک کتاب اشعار س. آ. یسنین «موتیوهای ایرانی» در جستجوی
«سرنوشت مطلوب»

ناتالیا میخائیلوونا اوستیمنکا^۱

استادیار، دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،

راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۸)

«یسنین» اوضاع حاکم بر شوروی را فاجعه‌بار و ترازدی زندگی ملی کشور و گفتگوی فرهنگ‌های شرق و روسیه را یکی از راه‌های برون‌رفت از این اوضاع می‌دانست. یسنین در کتاب «موتیوهای (بن‌مایه‌های) ایرانی» به جستجوی زیباشناختی تعالی ملی آینده روسیه و راه شرقی آن می‌پردازد. هدف از نگارش مقاله حاضر شناسایی و بررسی ابعاد شاعرانه «موتیوهای ایرانی» در فرایند آنالیز و تحلیل سیر تکاملی قهرمان لیریک این کتاب است که آرمان‌های فرهنگی دارد. قهرمان در بخش اول کتاب به عنوان گردشگر روسی متأثر از شرق و در بخش دوم به عنوان سیاح و شاعری که به زیبایی‌های زندگی شرقی و فرهنگ آن دل بسته است ظاهر می‌شود و در بخش سوم کتاب در شعر «کشوری به رنگ آبی و شاد..» که در آن در راه زندگی زیبای جدید «بلبل گل را در آغوش می‌گیرد» آورده شده است.

واژگان کلیدی: یسنین، گفتگوی فرهنگ‌ها، شیراز، دشت‌های شهر ریزان، اشعار لیریک ایران.